

Д.А.Салимова, Я.А.Солунова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ПОРТРЕТОВ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Г.ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Анализируются лексический, морфологический и синтаксический уровни языка известного романа Гузель Яхиной с точки зрения отражения в тексте речевого портрета персонажей. На материале более тысячи языковых единиц (отдельные лексемы, фразы, синтаксические конструкты), с использованием нескольких методов: сплошной выборки, структурного, функционального, интерпретационно-стилистического и др., анализируется язык двух персонажей в сопоставительном плане как своеобразный элемент идиостиля писателя-билингва. Подчеркивается многослойность и разнообразие в оформлении речевых характеристик, делается попытка связать использование проанализированных языковых единиц с историко-культурной составляющей и языковой личностью самого автора. Делается вывод о том, что Игнатов и Лейбе, два совершенно противоположных по гражданской позиции человека, в своем «речевом поведении» в романе сильно отличаются, имея при этом общие черты в речи как монологической, так и диалогической.

Ключевые слова: роман, Г.Яхина, язык писателя, речевой портрет, персонаж

В языкознании XX века проявляется интерес к изучению портретов речи человека как особое направление: к этому вопросу обратились такие языковеды, как С.В.Леорда, М.В.Панов, Л.П.Крысин, например, [1], при этом изучение речевого портрета начиналось с фонетического принципа описания речи. Мы же поставили цель несколько иного плана: попытаться характеризовать речь литературного героя, то есть расширить само понятие речевого портрета. Статья посвящена сравнительной характеристике и анализу речевых портретов персонажей романа Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» — революционера Ивана Игнатова и профессора Вольфа Карловича Лейбе.

Эта проблема исследуется в русистике не так давно. Одним из первых о значимости изучения речевого портрета личности говорит академик Д.С.Лихачев: он подчеркивал, что узнать человека можно только по тому, как он говорит [1, с. 16]. Проблему языковой личности рассматривал академик В.В.Виноградов [3]. Однако в XXI веке начинают исследоваться такие зависимости, как речь и социальная принадлежность, речь и профессиональная деятельность, речь и место рождения и проч.

Нашумевший в свое время роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», естественно, не мог оставаться вне поля зрения как ученых, так и литературных критиков. О.В.Арзюмова в своей статье [4, с. 3] стремится дать описание культуре и их сегментов; также в работе Г.М.Нуруллиной и Л.А.Усмановой [5, с. 2] исследователи проводят психолингвистическую связь между мироощущением автора и его текстами. В своей статье Э.Ф.Тугушева [6, с. 3] исследует репрезентацию исторических и современных реалий с точки зрения национальной специфики, переход национального самосознания в личное.

Основная цель данной работы — исследовать языковые портреты персонажей, выявить их речевые особенности с точки зрения социальной принадлежности и дать сравнительные речевые характеристики двух персонажей. Несмотря на то, что многие ученые обращаются к данному произведению, оно оставляет большое пространство для дальнейших исследований. Роман в большей степени изучается как продукт творческой деятельности писателя-билингва, о чем говорят вышеперечисленные работы. Однако исторические лингвокультурные типы, реализованные в романе, представляют интерес не только как продукт творческой деятельности автора, но и как самостоятельные единицы.

Создание речевого портрета персонажа реализуется на разных языковых уровнях. Однако в тексте произведений эти уровни представлены неравномерно. И многие ученые-исследователи говорят о том, что изучать речевой портрет нужно так же «неравномерно» — исследовать только то, что наиболее ярко отражает характер персонажа; Т.М.Николаева отмечает: «Многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [7, с. 74].

«Диагностирующими пятнами» для героя Ивана Игнатова можно считать преобладание императивных жанров в речи — приказов и распоряжений. Это обусловлено как его резким характером, так и родом деятельности в большей степени. Будучи в начале романа ярким приверженцем революционных идей, он неосознанно вбирает в свою речь эту директивность, которая была характерна для первых лет революции, что было вызвано «преимущественным значением центра, строгостью дисциплины, требующей безоговорочного выполнения директив» [8, с. 23-24]. Наш герой занимает руководящую в отряде должность, и распоряжения стали его типическими коммуникативными единицами: «*Подтопи-ка печь!*» [9, с. 78], «*Пусть распахнется*» [9, с. 80], «*Сто-о-ой!*» [9, с. 98]. Интересна его речь и с точки зрения синтаксиса. Характерной чертой для речи персонажа вполне естественно является восклицательное предложение. Несмотря на собранность и строгость, Игнатов — человек вспыльчивый, часто выходит из себя, если его внутренний или внешний порядок нарушается: «*Даже кобылы у вас — сплошная контрреволюция!*» [9, с. 98], «*Или ослеп?!*» [9, с. 72].

Резкость, прямолинейность натуры Игнатова можно увидеть на примере преобладающих неполных предложений, а главным графическим средством выразительности для его образа становится знак препинания тире, также характерный для императивной речи. Тире подчеркивает четкий строй речемыслительной деятельности Игнатова: «*На заре — подъем*» [9, с. 103], «*Куда партия послала — туда и везу*» [9, с. 104]. Подобными речевыми конструкциями Игнатова не оставляет право выбора ни себе, ни другим. Важна также и невербальная коммуникация, подчеркивающая преобладание императивности в речевом портрете Игнатова: «*Игнатова лишь машет рукой: оставь!*» [9, с. 76]. Как видно из предыдущих примеров, автор во фразах Игнатова использует многочисленные восклицательные и вопросительные знаки, придавая этим звучность художественному тексту.

Обратимся к образу профессора Лейбе — это интеллигент, профессор, представитель знаменитой династии немецких врачей в Казани. Если для речи Игнатова преобладающей речевой чертой является императивность, то для Лейбе — это вежливость. Главными речевыми жанрами для него становятся информативные и этикетные. Его первое слово в тексте романа — вежливое междометие «пожалуйста»: «*Пожалуйста, попросите рабочих начать свой бедлам попозже...*» [9, с. 113]. Даже такой императивный жанр, как просьба, в устах Лейбе приобретает этикетный оттенок: это не строгое приказание перестать ему мешать, а вежливая просьба, больше похожая на пожелание. Смешанность этикетных и императивных жанров — это частотная черта речи Лейбе. Рассмотрим его фразу, обращенную к пациентке: «*Слушаю вас самым внимательным образом*» [9, с. 121] — с одной стороны, это просьба (императивный жанр), даже побуждение, но с другой стороны, она настолько вежлива и деликатна, что кажется, будто это приглашение говорить (этикетный жанр).

Особенно видны отличия двух речевых портретов на синтаксическом уровне — они реализованы совершенно по-разному. На синтаксическом уровне речь Лейбе более сложная. В отличие от речи Игнатова для речи Лейбе характерны полные, осложненные или сложные предложения с подчинительной и сочинительной связью. Часто в его речи предложения осложнены однородными членами предложениями: «*Столовая, гостиная, спальня, библиотека, смотровая, приемная — все заняли эти несносные рабочие, которые целыми днями беспрестанно шумят*» [9, с. 122]. Распространена сочинительная связь в предложениях: «*Да, я веду практику на дому, но сейчас в моей квартире ремонт*» [9, с. 122]. Более всего распространены сложноподчиненные предложения: «*Вы часто думаете о том, “что было бы, если бы”?»*» [9, с. 272], «*... выкрадывать спокойные часы по ночам, когда они прекращают свою бесконечную возню*» [9, с. 123]. Встречаются и бессоюзные сложные предложения: «*А ведь я еще на первом курсе предупреждал: не быть вам хорошим диагностом!*» [9, с. 194]. Иногда встречаются предложения, где эти связи реализованы все вместе: «*Да будет вам известно, юноша, что в человеческом организме более двух сотен костей, и каждая из них может воспалиться, изменить контур или объем, занемочь*» [9, с. 417]. Из приведенных примеров мы видим, что на синтаксическом уровне речь профессора очень многообразна, что обусловлено как его образованием и профессиональной деятельностью, так и личностными качествами: профессор, этнический немец, более открыт миру, любит поговорить и умело управляет речью.

Рассмотрим речь Ивана Игнатова на лексическом уровне. Здесь для него характерна ярко выраженная экспрессивность. А.М.Селищев в своей работе «Язык революционной эпохи» отмечает, что именно эмоционально-экспрессивная функция речи имела большое значение в эти годы. Он подчеркивает, что «*нафос революционера, высокие идеалы братства, равенства, <...> угрозы врага <...> - все это вылилось в соответствующих формах речи*» [8, с. 121]. Все эти положения справедливы по отношению к Игнатovu.

Большой пласт лексики составляет грубая лексика: *баба, девка, растудить, гвозди гну*. Его речь нельзя назвать неграмотной, однако она снижена, иногда нарушает литературную норму («*Ты че, Кузнец?*» [9, с. 98]). Иногда можно встретить откровенно бранную лексику: «*Здесь, в лесу, один хер — сержантом, лейтенантом...*» [9, с. 459]. Можно отметить слово-паразит «значит» («*Ни бельмеса, значит*» [9, с. 72], «*Грибы, значит*» [9, с. 73]). Это слово исследователь О.Северская в своей работе «*Говорим по-русски*» связывает с людьми, которые признают только свою точку зрения, считают ее единственно верной [10, с. 126].

Конечно, широкий пласт его речи составляет лексика революционной эпохи: *контрреволюция, политпросвещение, граждане бывшие люди*. Кроме того, о его роде деятельности говорит владение канцелярскими штампами, свойственными докладам и прокламациям времен революции: «*...политическая обстановка спокойная. Комендант оказался человеком морально устойчивым и на провокацию не поддался*» [9, с. 462], — говорит он, когда его склоняют к предательству своих поселенцев.

Особенное место в словаре Игнатова занимает инвективная лексика, при помощи которой он стремится оскорбить кого-либо. В большей степени она направлена на его классовых врагов: «*кулацкая гнида*», «*бар-р-раны узбекские*», «*дура*», «*дурак*», «*нюня*», «*тряпка*» — его словарный запас богат подобными лексемами. Даже хваля кого-то, он не упускает случая употребить инвективу: «*Молодец, дура*» [9, с. 224].

Характеризуя лексический уровень речевого портрета Лейбе, позволим себе констатировать, что если речь Игнатова статична, то для речи Лейбе характерна динамика за счет умелого и разностороннего владения языком. Это прослеживается на всех языковых уровнях. К примеру, на лексическом уровне можно отметить богатый словарный запас — Лейбе легко подбирает синонимы, которые делают его речь более разнообразной и экспрессивной: «*ужасный*», «*нескончаемый*», «*бесконечный*» — так он характеризует ремонт в его доме, контекстуальными синонимами которого для Лейбе стали слова «*бедлам*», «*возня*», «*кошмар*». Не только

владение синонимами — показатель богатого словарного запаса Лейбе, — но и употребление в речи нетривиальных слов и конструкций: «Где прикажете вас принять — на этом столе?!» [9, с. 122], «Простите мне мой затрапезный вид» [9, с. 121]. Говоря о лексическом уровне, нужно также сказать о том, к каким обращениям и названиям апеллирует профессор: «милая моя», «мой дорогой», «мой ангел-хранитель» — в этом чувствуется его доброжелательное отношение к окружающим. Не чужды Лейбе и ругательства, но они вполне литературны: «...несносные рабочие...», «К дьяволу!», «...в этой чертовой глуши...», в этих фразах чувствуется больше искренность и безысходность, нежели желание оскорбить или обидеть кого-то.

Особо следует выделить то обстоятельство, что в речевой характеристике профессора присутствует терминология, связанная с профессиональной деятельностью персонажа как в качестве преподавателя, так и ученого: «пальпирую», «диагноз», «бугорки Монтгомери», «увеличение матки». Так, например, даже в ужасных условиях вагона, в котором перевозят раскулаченных, Лейбе называет Зулейху «пациенткой»: «Скажите пациентке, чтобы она дышала...» [9, с. 194]. Кроме того, мы видим свойственное всем врачам владение латынью и употребление ее в речи доктора: «локтевая кость, ulna», «humerus, плечо», «clavicula», «costae». Употребляет он слова и из университетской преподавательской деятельности: «неудовлетворительно», «деканат», «зачетная книжка».

Как одну из самых интересных характерных черт (к проблеме о связи речи и места рождения) мы выявили в тексте то, что Лейбе, будучи по происхождению немцем, часто употребляет эмотивную конструкцию-восклицание «Mein Gott!»: «Mein Gott, — благодарно прошептал Вольф Карлович...» [9, с. 254], «Сахар? Mein Gott, откуда?» [9, с. 198], «Сколько времени потеряно, mein Gott...» [9, с. 268]. Восклицание это появляется в минуту эмоционального потрясения, что связано с билингвальностью персонажа.

При создании автором речевого портрета Ивана Игнатова удачно используются интертекстуальные элементы: презрительное упоминание им рябчиков и шампанского, которые стали символом пресыщенности высшего класса после выхода поэмы В.Маяковского «Владимир Ильич Ленин» и увертюры И.Северянина «Ананасы в шампанском», раскрывающей праздность буржуазии. «Будет вам... и рябчик в шампанском...» [9, с. 162], «А рябчиков?! — Игнатов вскидывает вверх ходящий ходуном палец. — А рябчиков в шампанском — можно?» [9, с. 229], — это особенно подчеркивает сосредоточенность Игнатова на революционных идеях. И как бы парадоксально это ни звучало, использование в своей речи ссылок на прецедентные тексты говорит о высоком культурном и языковом уровне анализируемого нами героя.

Любопытно, что в тексте романа говорится не только, какие Игнатов использует слова, но и какие не использует. Так, например, сказано, что он не употребляет слово «любить», боясь осквернить. «Любят — мамки детей!» [9, с. 95] — кричит он, веря в то, что можно любить лишь великую идею, революцию, но не женщину-«бабу».

Однако вся эта грубость, приземленность, даже ограниченность — лишь внешняя сторона, выражаемая во внешней речи. Во внутренней речи наблюдается другая сторона его характера, ввиду закрытости которого Игнатов не выказывает ее. О закрытости анализируемого героя свидетельствуют такие эпизоды романа, где говорится, что «шутит он сам с собой» [9, с. 287], «усмехнулся про себя» [9, с. 288], т.е. он настолько привык казаться собранным и строгим, что не умеет выказывать положительные эмоции, что еще сильнее углубляет одиночество Игнатова.

Интересно, что в его монологической речи больше всего он обращается к себе, что свидетельствует о его потребности самоанализа. Именно во внутренних монологах заметно развитие анализируемого персонажа. Так, через некоторое время Игнатов неосознанно начинает называть раскулаченных людьми («Вот и сейчас — та же мысль: все эти люди сегодня обедали кипятком. Не люди, поправляет себя. Враги» [9, с. 178]), испытывает угрызения совести из-за их смерти («А они все — утопли, рыб сейчас кормят на дне. — Неужели было бы лучше, если б я утонул вместе с ними?! Да и кто они такие?! Кулаки, эксплуататоры, обуза для советской власти — враги» [9, с. 234]) — в приведенных фрагментах видно, как Игнатов пытается вернуться к прежней языковой картине мира, но уже не может. Он и так понимает, что неправильно, когда люди голодают, тонут, содержатся в ужасных условиях. Впоследствии противоречие это будет только углубляться.

Игнатов предстает перед нами как человек. Не зря именно его выбрала сердцем тонкая и человеческая Зулейха. Она почувствовала, что Игнатов — несчастная душа, ошибившаяся в своих идеалах. А идеалы требовали от него решительности, грубости, жестокости.

Внутренняя речь профессора Лейбе представлена не так подробно. Это связано в большей степени с тем, что характер его показан через внешнюю речь, поскольку это человек гораздо более открытый. О его открытости свидетельствуют авторские слова «смеется», «восхитился», «восторгался», «довольно восклицает». Нельзя забывать также о невербальных средствах: «Дверца черного “Форда” захлопнулась, и профессор лихо и радостно махнул шоферу ладонью: поехали!» [9, с. 130]. Видно, что Лейбе не скрывает своих эмоций и впечатлений перед окружающими.

Однако элементы его внутренних монологов представлены в тексте романа. Через внутреннюю речь профессор тем или иным образом показан как высокий профессионал: монологи персонажа всегда касаются его медицинской деятельности. Например, говорится о «молитве» при начинании им операций: «имею ли право? не имею права не попытаться» [9, с. 268]. Об этом девизе никто не знал — недаром автор говорит, что это «молитва», то есть нечто личное, помогающее в профессиональной деятельности и сподвигающее на медицинские «подвиги». Подчеркнем: сразу бросается в глаза при анализе речевого портрета доктора Лейбе его

увлеченность медициной, в какой-то степени фанатичность. Об этой увлеченности можно судить по следующему отрывку: «Он разговаривал с телами больных посредством скальпеля. И тела отвечали ему. О своих диалогах никому не рассказывал — со стороны это могло показаться похожим на душевную болезнь» [9, с. 111]. Когда Лейбе освобождается от своего безумия (кстати, также благодаря возвращению к медицине и медицинской практике), он, поняв, сколько он пропустил из того, что мог сделать, внутренне восклицает: «*И тут же — ушатом ледяной воды: а я ведь давно не оперировал. Сколько лет — пять? десять? Сколько времени потеряно, mein Gott...*» [9, с. 268]. Эти внутренние монологи — свидетельство великой преданности делу Лейбе, которая пройдет через весь текст романа. И вполне закономерно то, что о медицине Лейбе говорит только сам с собой — для него это что-то личное, то, что он не хочет ни с кем делить.

Подробный анализ внутренней и внешней речи рассмотренных героев позволил нам выявить большое количество различий в речевом рисунке персонажей. Мы видим, как по-разному отражается происхождение, профессиональная деятельность, личностный склад в речевом портрете героев. Большевик Игнатов — человек грубый, закрытый, строгий, малословный. А доктор Лейбе — интеллигент, добродушный и вежливый человек, наоборот — словоохотливый. Отражение этой разности достигается с помощью языковых и литературных средств: графических, лексических, синтаксических, пунктуационных и т.д.

Речевой портрет Игнатова — самый яркий характерологический элемент при создании его образа. Именно его речь, его языковая личность, данные в динамике отражают личностное развитие персонажа. Речевой портрет Лейбе дополняется другими средствами создания образа, но также не менее значим при создании его литературного типажа: через него образ раскрывается более многосторонне и глубоко, и читатель в соответствии с авторской задумкой проникается судьбой этого героя, через которого показано тяжелое положение интеллигенции времен революции.

Также анализ речевой характеристики героев позволяет выделить одну из главнейших черт идиостиля Г.Яхиной как автора — она как писатель-филолог наделяет созданных ею персонажей специфическим языковым сознанием и языковым мышлением. Это видно как на примере проанализированных героев, так и остальных, речевая характеристика которых не была затронута в статье, действительно, «перед нами талантливый автор с редким и тонким знанием жизни, в которой она не проживала» [11, с. 134]. Речевые особенности проанализированных нами двух персонажей очень сближаются с языком самого автора, когда речь идет о внутренних монологах, стилистически сильно отличаются в диалогах.

Кроме того, что речевой портрет является важнейшим структурным средством при создании образа и литературного типажа, он также позволяет подробнее изучить исторический контекст романа, авторский замысел при отражении этого контекста, добавляет новые смыслы при прочтении — круг вопросов, решаемых при изучении данного явления широк. Поэтому важным при анализе произведения представляется изучать не только языковую личность автора, но и тех персонажей, которые автор создает.

1. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.
2. Лихачев Д.С. О языке устном и письменном, старом и новом // Он же. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 355.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 С.
4. Арзамова О.В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54-58.
5. Нуруллина Г.М., Усманова Л.А. Психолингвистический аспект изучения текста как продукта речевой деятельности // Филология и культура, 2018. № 3(53). С. 72-76.
6. Тугушева Э.Ф. Этнокультурное своеобразие хронотопа в романах Г.Яхиной «Зулейха открывает глаза» и А.Ганиевой «Жених и невеста» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика, 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 351-355.
7. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюз. науч. конф. М., 1991. Ч. 2. С. 73-75.
8. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. М.: Работник Просвещения, 1928. 240 с.
9. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза. М.: Изд-во АСТ, 2015. 512 с.
10. Северская О.И. Говорим по-русски. М.: СЛОВО, 2004. 256 с.
11. Салимова Д.А. Образ российского немца в русскоязычной литературе (на примере текста автора-татарки) // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 2. С. 130-135.

References

1. Krysin L.P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta [Modern Russian intellectual: an attempt to create a speech portrait]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001, no. 1, pp. 90-106.
2. Likhachev D.S. O yazyke ustnom i pis'mennom, starom i novom [On spoken and written language, the old and the new]. In: *Russkaya kul'tura*. Moscow, 2000, p. 355.
3. Vinogradov V.V. Izbrannyye trudy: O yazyke khudozhestvennoy prozy [Selected Works: On the language of fiction]. Moscow, 1980. 360 p.
4. Arzhamova O.V. Etnokul'turemy v kontseptosfere pisatelya-bilingva [Ethnocultures in the conceptual sphere of a bilingual writer (on the example of the novel "Zuleykha opens her eyes" by Guzeli Jakhina)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya, 2016, no. 1, pp. 54-58.
5. Nurullina G.M., Usmanova L.A. Psikholingvisticheskiy aspekt izucheniya teksta kak produkta rechevoy deyatelnosti [The psycholinguistic aspect of the studying the text as a product of speech activity]. *Filologiya i kul'tura*, 2018, no. 3(53), pp. 72-76.
6. Tugusheva E.F. Etnokul'turnoe svoeobrazie khronotopa v romanakh G.Yakhinoy "Zuleykha otkryvaet glaza" i A.Ganievoy "Zhenikh i nevesta" [Ethnic and cultural originality of the chronotope in G. Yakhina's novels "Zuleykha opens her eyes" and A. Ganieva's "Bride and

- Groom”]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 351-355.
7. Nikolaeva T.M. “Sotsiolingvisticheskiy portret” i metody ego opisaniya [“Sociolinguistic profile” and methods for its description]. Proc. of “Russkiy yazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki”. Moscow, 1991, part 2, pp. 73-75.
 8. Selishchev A.M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi [The language of the revolutionary era]. Moscow, 1928. 240 p.
 9. Yakhina G.Sh. Zuleykha otkryvaet glaza [Zuleykha opens her eyes]. Moscow, 2015. 512 p.
 10. Severskaya O.I. Govorim po-russki [We speak Russian]. Moscow, 2004. 256 p.
 11. Salimova D.A. Obraz rossiyskogo nemtsa v russkoazychnoy literature (na primere teksta avtora-tatarki) [The image of a Russian German in Russian-language literature (on the example of the novel by Tatar writer)]. Gumanitarnye nauki i obrazovanie, 2017, no. 2, pp. 130-135.

Salimova D.A., Solunova Ya.A. Comparative analysis of the characters’ speech portraits of the novel G.Yakhina “Zuleykha opens eyes”. In the work, the famous novel’s by Guzel Yakhina lexical, morphological and syntactic language levels in terms of the reflection of the speech portrait in the text are analysed. On material more than a thousand linguistic units (separate tokens, phrases, syntactic constructs) and when using full sampling, structural, functional, interpretative and stylistic methods, the language of two characters in comparative terms as a specific element of the idiosyncrasy of a bilingual writer is analyzed. The multilayering and diversity in the design of speech characteristics is emphasised, an attempt to connect the use of the analyzed language units with the historical and cultural component and the linguistic personality of the author herself is made. We conclude that Ignatov and Leybe, two completely opposite in citizenship people, in their “speech behaviour” are very different, but have common features in both monologic and dialogical speech.

Keywords: novel, G.Yakhina, writer’s language, speech portrait, character.

Сведения об авторах. Дания Абузаровна Салимова — доктор филологических наук, профессор Елабужского института Казанского федерального университета; daniya.salimova@mail.ru; Яна Алексеевна Солунова — студентка факультета филологии и истории Елабужского института Казанского федерального университета; isolunova@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.